

Эта пропасть между ними

Мэйлин Юн

Мэйлин чувствовала себя так, словно ее жизнь была огромными качелями – иногда она набирала высоту и могла сказать, что в ее жизни все хорошо, но потом следом за этим подъемом непременно следовал резкий спад, который отбрасывал все назад, на самое начало. Эти три месяца в другой стране без ребенка стали для Мэйлин настоящим глотком свежего воздуха, хоть ее и не покидало чувство вины за то, что она оставила Мэйхуа в Сычуани. И чем ближе был день возвращения обратно в Китай, тем сильнее она хмурилась и больше молчала, погруженная в свои мысли.

В день перелета Берлинский аэропорт Тегель-Чэнду Шуанлю Мэйлин едва ли произнесла больше десятка предложений. Нужно было забрать у родителей Вэньхуа дочь и вместе с ней возвращаться в Пекин, потому что до конца командировочных оставалось всего несколько дней – перевести дух и прийти в себя, а затем снова включаться в работу. Стоило только оказаться в их квартире в Пекине, как у Мэйлин начисто пропало ощущение, что она вообще куда-то уезжала. Мэйхуа не спала в самолете, капризничала и все время висела на руках, и Мэйлин хотелось поскорее ее уже уложить спать и посидеть в тишине с чашкой чая.

Однако и здесь пришлось выдержать целую битву с укладыванием, и только спустя полтора часа уговоров, шантажа, одной детской истерики и пары угроз авторства Мэйлин Мэйхуа наконец уснула, а Мэйлин могла выйти на кухню и опуститься на стул.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа был доволен поездкой. У него оставались вопросы по организации работы, которые предстояло решить с Ши дайфу, но в целом он чувствовал, что готов применять на практике полученные знания. Его куда больше беспокоило состояние Мэйлин, которой в Европе стало заметно легче, но с возвращением в Китай вернулся и прежний настрой. Она была молчаливой, и Вэньхуа казалось, что она сдерживалась, чтобы не огрызаться.

Пока девушка возилась с Мэйхуа, он разобрал чемоданы и отложил те вещи, которые нужно было отправить в стирку. Отнес на стеллаж учебники, которые составляли значительную часть багажа, затем поставил чайник. Накануне приезжала горничная, которая оставила в холодильнике ужин. Это было хорошо, потому что никакие нормальные продукты не сохранились бы три месяца, а доставка могла разбудить ребенка. Вэньхуа поставил разогреваться овощи и выставил на стол салат с лапшой и тофу. К этому времени вернулась Мэйлин.

- Она не сдавалась до последнего? - спросил он о Сяомими.

Ребенок устал с дороги, перелет был не очень долгим, но без сна тяжелым. К тому же в Пекине было намного холоднее, чем в Сычуани.

Мэйлин Юн

Мэйлин совершенно выбилась из сил. Она уже и забыла, что такое детские истерики в таких огромных количествах. Наверняка было бы намного проще, если бы Мэйхуа выдавала их постепенно, по нарастающей, а не ударила сразу по всем фронтам, закатив скандал со слезами, воплями и безобразной попыткой выбросить из кровати подушку, одеяло и мягкую игрушку, которую они привезли ей из Германии. Но нет, Мэйхуа решила, что слишком долго сдерживалась – Дин тайтай и Дин сяншен клялись, что она все это время вела себя идеально.

- Я еле сдержалась, чтобы ее не ударить, - сухо ответила Мэйлин. Конечно, ей было стыдно за такие мысли, но в тот момент, когда Мэйхуа начинала пищать еще громче и надрывнее, Мэйлин и правда приходилось считать до десяти, чтобы успокоиться. Но она не могла даже выйти из комнаты и отдышаться, потому что без нее дочь начинала истерить еще сильнее.

Мэйлин до слез сильно не хотелось возвращаться к прежнему образу жизни, когда она была вся на нервах из-за мыслей, быстро ли уснет Мэйхуа, не проснется ли она ночью – а ведь Мэйлин привыкла высыпаться за эти несколько месяцев – и когда ее в следующий раз накроет дух противоречия, хорошо знакомый всем родителям с маленькими детьми. И при этом не могла избавиться от чувства вины за это желание просто спокойно спать ночами.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа ценил то, что Мэйлин могла говорить с ним о таких вещах прямо. Ей было тяжело, и просвет, который появился в её настроении во время учебы, снова скрылся за привычными тучами. Он не знал, как ей помочь. Видимо, в этот раз нужно было идти укладывать Сяомими самому, так Мэйлин было бы проще хотя бы в этот вечер. Вэньхуа подошел к ней и обнял за плечи.

- Она перегуляла. Но ты победила, - сказал он. - Давай поужинаем и тоже пойдем спать?

Ему было сложно общаться с Мэйлин. Он боялся её чем-то обидеть или задеть, понимая, что в таком состоянии она похожа на комок оголенных нервов. Но избегать общения в этой ситуации было бы предательством с его стороны, Мэйлин и так закрывалась и уходила в себя. А он должен был найти способ её поддержать. Сейчас Мэйлин наверняка чувствовала себя так, как будто стоит одна в пустыне, что она не справляется, что её не слышат, и что она заблудилась. Её восприятие реальности было искажено этим состоянием, и Вэньхуа за неё боялся.

Мэйлин Юн

Никак не удавалось отделаться от раздражения на Мэйхуа. Почему, если ты устал и хочешь спать, просто не лечь и спокойно заснуть, а зачем-то устраивать истерику, сокращая то время, которое можно было отвести на сон. Мэйлин старалась не забывать, что ребенок устроен не так, как взрослый, его психика и физиология несколько отличаются, но проще ей от этого не становилось. Нужно было просто смириться, что это – другой человек, пусть еще и маленький, но он не будет соответствовать ее ожиданиям. Это ведь ее ребенок, плоть от плоти, как может

собственная дочь вызывать такие сильные отрицание, гнев и ненависть? Все равно, что ненавидеть саму себя. Впрочем, именно этим Мэйлин и занималась все это время с того момента, как узнала о беременности.

Первым побуждением было отказаться от ужина и просто пойти в душ, даже позабыв о чае, о котором она так мечтала все эти полтора часа, но Мэйлин осталась. Ей не нравилось, что Вэньхуа сейчас стоит рядом и держит руки у нее на плечах. Мэйлин просто не хотелось, чтобы ее трогали сейчас, кто бы то ни было. Она, конечно, не стала демонстративно сбрасывать его руки, но высвободилась и пошла за уже разогревшимися овощами. Переложила овощи в глубокую миску и поставила ее на стол.

У Мэйлин возникло ощущение, что Вэньхуа просто не хочется, чтобы она в очередной раз к чему-нибудь прицепилась, потому что тогда пришлось бы проблему как-то решать, и нужно было просто промолчать. Наверное, Вэньхуа прав, что перевел тему и предложил поужинать, а затем пойти спать, чтобы замять назревающий разговор о Сяомими. Мэйлин тоже не хотелось скандалов. Можно было спрятать голову в песок и сделать вид, что все в порядке.

Дин Вэньхуа

Мэйлин промолчала, и Вэньхуа показалось, что ей не понравилось, что он к ней прикасался. Если расценивать это как симптом, а не как личный повод для обиды, будет проще. Нынешнее состояние Мэйлин вызывало у Вэньхуа постоянное чувство вины. Потому что она была не готова к рождению дочери, а сейчас ситуация казалась безвыходной. Они втроем оказались в ней заложниками. Время от времени Вэньхуа всерьез думал о том, что Мэйлин могло стать легче, если они расстанутся, и он заберет Мэйхуа. Но в то же время она могла чувствовать какую-то несуществующую вину, которая легко усугубится влиянием родителей. Юн тайтай вряд ли отнесется с пониманием.

Вэньхуа заварил и налил в две чашки чай. В Европе было непросто найти приличный улун, в отличие от нормального кофе, который продавался почти на каждом углу. Хоть что-то дома было проще и приятнее, чем во время поездки.

- Я вижу, что тебе сейчас тяжело, - сказал Вэньхуа. - Но не понимаю, хочешь ли ты об этом говорить или молчать.

Он решил, что это стоило произнести вслух, чтобы не додумывать там, где уже и так дебри.

Мэйлин Юн

Мэйлин поставила на стол две чистые тарелки и два комплекта палочек, хотя сама не хотела есть. Она знала, что Вэньхуа не нравится, когда она ничего не ест или просто забывает поесть, и ей было проще согласиться с ним, чтобы не давать ему повода волноваться и заводить разговор еще и о том, что человеку нужно есть, желательно чаще одного раза в день. В Германии у нее не было проблем с аппетитом, хотя еда была крайне непривычной, она отличалась и от той, что была в госпитале. Была не такой жирной, без большого количества майонеза и кетчупа, но вместе с тем можно было легко найти вегетарианские магазины.

- О чем говорить? – уточнила Мэйлин, садясь за стол и стараясь говорить спокойно. Она же не хотела скандалов. Она положила себе немного салата и овощей, но пока не стала есть. – О чем «этом»? О чем бы я сейчас ни начала говорить, ничего не изменится.

Не было ни дня, чтобы она не жалела о том, что не смогла сделать аборт, когда еще была такая возможность. Не теми таблетками, которые сама нашла, но так и не решилась их принять, но теми, которые еще успели бы прислать из Пекина. Но сейчас ничего нельзя было изменить, Мэйхуа уже родилась, но принять эти изменения Мэйлин никак не могла даже больше года спустя.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа положил себе в тарелку немного еды, затем отпил чай и посмотрел на Мэйлин. Он знал, что она не ела, когда ей было плохо. И видел, что она заставляла себя сейчас что-то положить на тарелку.

- Если молчать, тоже ничего не изменится, - ответил Вэньхуа. - Но если ты знаешь, как я могу тебе помочь - скажи. Хочешь я буду укладывать Сяомими?

Он чувствовал раздражение и понимал, что злится на ситуацию и на собственную беспомощность, а не на Мэйлин. Ему было невыносимо сложно принять тот факт, что он ничего не мог сделать там, где должен был нести наибольшую ответственность. В конце концов без него Мэйлин была бы намного счастливее, если бы он в принципе не лез в её жизнь и ограничился той дистанцией, которую подразумевала работа в одной клинике.

- Хочешь уедем? Накопим денег на первое время, найдем работу в США или в Канаде. На первое время оставим Мэйхуа в Сычуани, пока не устроимся нормально, - предложил Вэньхуа.

Для этого нужно было много времени, сил и связей, но это было реально. Через полковника Джеймсона узнать, где можно рассчитывать на работу. Пересдать все необходимые экзамены, получить лицензии. Превратиться из старших хирургов столичной клиники в чинков-стажеров и начать все с начала.

Мэйлин Юн

Мэйлин примерно знала, что ей поможет. Вернуться на пару лет назад, в тот день после того, как они сбежали с горной деревни в Афганистане, или можно даже позже, когда она думала об аборте. И сделать все правильно, так, как нужно было сделать, а не так, как в итоге все вышло. Но, увы, это было невозможно, даже захоти она этого сильнее всего на свете.

- Мне все равно придется ее укладывать в те дни, когда ты будешь на дежурствах, - ответила Мэйлин. – Она меня не отпускает даже из комнаты.

Она покачала головой. Мэйхуа чувствовала эту холодность между ними, а потому старалась всеми силами ее преодолеть, сама того не осознавая. Это было инстинктами ребенка, нуждающегося в матери, и чем сильнее старалась

отстраниться Мэйлин, тем сильнее Мэйхуа за нее цеплялась. И это тоже бесило. Мэйлин было нужно собственное пространство. Мирок, где ее никто не трогает, где она может спокойно посидеть и почитать книгу, или выпить чаю, ни отвлекаясь и не торопясь. Даже когда было много работы, это время у нее было. Теперь его не было. Она себе не принадлежала.

- Я так осуждала мать Лулу, что та почти не видится с дочерью, - с горечью добавила Мэйлин. Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы. – И чем я в итоге буду от нее отличаться, если оставлю Мэйхуа в Сычуани и буду лишь изредка звонить ей по праздникам? Чтобы она постоянно спрашивала, где ее папа и мама, и почему они ее бросили? Ты же любишь Мэйхуа. Нечестно заставляя тебя так поступать с ней.

Дин Вэньхуа

- Зачем тебе сравнивать себя с кем-то другим? - спросил Вэньхуа. - Я считаю, что у матери Лулу в той ситуации тоже не было выбора. И Мэйхуа не будет плохо в Сычуани. Не хуже, чем если тебе будет плохо рядом с ней.

Он был в тупике. Он любил дочь, он не хотел надолго с ней расставаться и соскучился за то время, что был на обучении. И любил Мэйлин, боль которой считал своей виной. При этом он должен был сейчас задвинуть на задний план свои чувства и сомнения, потому что Мэйлин было тяжелее. Он не знал, насколько она осознавала происходящее с ней, но то, что он видел со стороны, вызывало опасения. Вэньхуа слушал немало о том, в чем заключалась послеродовая депрессия, и к каким последствиям это состояние могло привести. Мэйлин проходила психотерапию, но ей не становилось легче. Она была в опасности, и он должен был внимательнее чем когда-либо следить за тем, что с ней происходило.

- Ты права, я люблю Мэйхуа, - ответил Вэньхуа. - А ты не виновата в том, что чувствуешь. Ты даешь ей больше, чем можешь дать, и тебе все равно тяжело.

Мэйлин Юн

Мэйлин считала, что у нее был выбор, было даже время этот выбор сделать, но она поддалась своим эмоциям и дурацкой впечатлительности, когда поняла, что на ее сроке у плода уже бьется сердце. Возможно, узнай она о беременности чуть раньше, она бы намного легче избавилась от нее и продолжила работать, как обычно, не подвергая свою жизнь таким кардинальным изменениям. Но Мэйлин не захотела ничего решать, она решила спрятать голову в песок, а там как-нибудь, что-нибудь да получится. Вот и получила.

Она снова покачала головой, но промолчала, вяло ковыряясь в тарелке и больше раскладывая по ней овощи, чем сколько-нибудь ужиная. Она едва попробовала салат, чтобы создать видимость того, что она ест. Ей было немного завидно Вэньхуа, что он может так свободно говорить о своей любви к дочери. За все это время Мэйлин ни разу не сказала дочери вслух, что любит ее, даже про себя, внутри, эти слова не складывались, как будто им что-то мешало. Она не могла сказать, что чувствует к ней что-то подобное. Только раздражение, злость и отрицание, попытка все еще цепляться за прошлую жизнь.

- Я не хочу, чтобы ты выбирал между мной и Мэйхуа, - сказала Мэйлин, не поднимая глаз от тарелки. – И с тобой ей будет лучше. Без меня.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа ответил не сразу. Слова Мэйлин были похожи на резкий холод, которым заполняется все вокруг. Он услышал то, что услышать боялся: её слова о готовности разорвать их отношения, и в то же время здравый смысл на задворках сознания упрямо твердил, что и это тоже симптом. "Им лучше без меня" - это слова, которыми говорит депрессия. Это не было похоже на решение, от которого будет легче самой Мэйлин.

- Поэтому ты решаешь за меня, что мне будет лучше без тебя? - спросил Вэньхуа.

Несмотря на то, что в последнее время их отношения были не в кризисе, а в кромешной бездне, Вэньхуа чувствовал, что боялся потерять Мэйлин. При этом у него не было никакой уверенности в том, что он в ближайшее время найдет выход, чтобы они втроем с Мэйхуа вдруг стали счастливой семьей из рекламы подузников.

- Мэйлин, я боюсь за тебя и боюсь тебя потерять, - признался Вэньхуа. - Но я не знаю, что сейчас правильно. Давай не будем сейчас принимать решения. Подождем месяц, вернемся к работе. И через месяц снова подумаем, как будет лучше.

Мэйлин Юн

Ну кто-то же должен что-то решать, подумала Мэйлин, но не стала говорить это вслух, опасаясь, что это снова может привести к спору или скандалу. Мэйлин была не столь искусна в дебатах, как Вэньхуа, и ей порой нечего ему было возразить, поэтому она молчала и закрывалась, пытаясь защититься от его аргументов. Такая позиция была трусливой, но казалась ей безопасной.

- Хорошо, давай не будем решать сейчас. Как скажешь, - со смирением согласилась она. Это всего лишь значило, что ей нужно продержаться несколько недель, прежде чем что-то можно будет решать. Она вернется к психотерапии, которая не приносила существенного облегчения. Мэйлин было сложно рассказывать о себе, тем более она не могла переступить через страх, что ее начнут осуждать, если она признается в нелюбви к собственному ребенку. Что появится резонный вопрос – зачем рожала, если не хотела детей. Потому что объективно у нее все было хорошо, была работа, было, где жить, она не была стеснена в средствах и могла вызвать няню тогда, когда ей это было нужно. Мэйлин не хотела, чтобы про нее думали, что она просто бесится с жиру непонятно от чего. Это была ее вина, что она не смогла принять верное решение, ее и только ее, что она не могла выдать из себя хоть какие-то положительные чувства к Мэйхуа.

Мэйлин сгорбилась, как будто пыталась стать меньше в размерах, и отложила палочки, подвинув к себе чайную чашку. Она могла бы уехать в Линь Ян Шо, а потом, например, в Гонконг, чтобы навсегда исчезнуть из жизни Вэньхуа и Сяомими, постараться их забыть и оставить в покое. Вэньхуа будет проще, если ему не придется за нее волноваться.

Дин Вэньхуа

Мэйлин еще глубже ушла в себя. Это был тупик. Странно, что в этом случае не находилось какого-то волшебного способа решить проблему, подобного тому, что нашла Се Юэмин, чтобы восстановить Тео. Со стороны не происходило ничего критичного: все были живы и здоровы, и Вэньхуа, и Мэйлин работали по специальности, пользовались уважением и зарабатывали достаточно. Мэйлин проходила психотерапию и не отрицала её необходимость. Но при этом все казалось безнадежным и невыносимым. И Вэньхуа не видел, как через год, три или пять это могло измениться к лучшему. Пока за год не изменилось ничего. Мэйлин пришла в себя на время учебы, и снова вернулась в прежнее состояние, стоило ей оказаться в Пекине с Мэйхуа.

Об этом не принято было говорить вслух. Дети считались счастьем, богатством, признаком того, что все правильно. Но бывало, что рождение ребенка становилось самым явным доказательством того, что у людей отсутствовали инстинкты. Информацию о таких случаях было сложно найти, если даже искать специально. Потому что мало кто скажет прямо, что после рождения ребенка не чувствует к нему любви и привязанности. Особенно тщательно об этом молчали матери. Мало кто окажется в бездне депрессии из-за того, что оказался в одной комнате в общежитии с несимпатичным соседом. Но ребенок - это такой же другой человек, которого ты не можешь выбрать. Но он при этом от тебя зависит.

Вэньхуа молчал. Он не знал, что сейчас можно было сказать, и чувствовал, что Мэйлин не обрадуется, если он обнимет её или даже просто возьмет за руку. Комок оголенных нервов.

Мэйлин Юн

Вэньхуа замолчал, и это только подтвердило уверенность Мэйлин, что разговоры не приводили ни к какому результату и ничего не могли изменить. Ей тоже нечего было сказать, так что Мэйлин просто вглядывалась в свою чайную чашку, заметив в ней попавшую туда чайинку.

Наверное, ей нужно будет переходить на более сильные антидепрессанты. Она и так принимала максимальную дозу тех таблеток, при которых ей не было необходимости отказываться от практики, но они ей не помогали. У нее пропали панические атаки, но самая главная проблема, о которой Мэйлин старательно умалчивала, никуда не делась. Мэйлин и до беременности знала, что послеродовые депрессии встречаются чаще, чем принято о них говорить вслух. Общество старательно стигматизировало негативные эмоции от материнства, навязывая идеальную и радужную модель поведения, которая была далека от реальности. Но Мэйлин не думала, что это коснется и ее тоже. Коснется, затянется и затянется на долгие месяцы.

Это значило, что ее отстранят от операций, а то и вовсе отправят на больничный, лишив последнего, что еще хоть как-то могло приносить ей удовольствие – любимой работы и возможности оперировать. И сейчас не удавалось воспринимать это как временную меру необходимости. Наоборот, у Мэйлин было ощущение, что она тонет, и ей не за что схватиться, потому что под руками только ускользающая от нее вода.

Она не допила, вылила оставшийся чай в раковину и начала мыть посуду. Она устала и хотела спать, но знала, что еще не скоро уснет даже если сейчас ей кажется, что стоит ей только коснуться головой подушки.
